

WWW.UNILIB.RS

У
Н
И
В
Р
З
И
Т
Е
С
К
А
Б
И
Б
Л
И
О
Т
Е
К
А

Ш О Д У Н А В К А .

Бр. 44.

Београдъ 29. Октобра.

1848.

М О Л Б А .

Подунавко, мила посестрино,
 Прими мене ты у коло твоє:
 Да у дружтву скупа походимо,
 Цѣло Србство, дично племе наше!

О П О М Е Н А С Р Ъ С К О М Е Н А Р О Д У .

Май мѣсеца првѣй данакъ,
 Србско-народнѣй састанакъ.
 1848.

Задовољства, среће, здрављъ,
 И блаженства свакогъ Май;
 Сво створенѣ да вамъ явнѣмъ,
 Да вамъ земля буде рай!! —

Пуче пушка у Паризу граду,
 Заори се чакъ у Бечу граду.
 Пуче пушка — ал' нѣ на празно,
 Све народе пробуди напрасно.
 Юшъ гласъ пушке нѣ се претаю,
 Гласъ народа веѣ се уздигаю.
 Прошао в седмера небеса,
 По Европи почини чудеса.
 Луй Филипе са престола паде,
 Метерниху злу рану зададе.
 Време сада све старо обара,
 У народма ново нешто ствара.
 Ново ствара, очи свѣмъ отвара,
 По желяма три намъ ћерке раѣа:
 Прву ћерку предивну слободу,
 Безъ разлике свакому народу;
 Другу ћерку предрагу народностъ,
 Свѣмъ народма несказану радостъ;

Трећу ћерку пресладку еднакостъ,
 Сви народи добываю младостъ. —
 Текъ одъ сада да почну живити,
 Еданъ другогъ братомъ называти.
 До садъ смо се текъ само гмизали,
 Еданъ другогъ нѣсмо познавали.
 Поливка лица Метерниха
 Свакогъ беше напунила страха.
 Све народе подъ Аустрѣйскимъ скиптромъ
 Еднанимъ в убила оковомъ.
 Умове ѣмъ мет'о у менгеле,
 А духове у свое цепове.
 Истокъ, западъ нѣму се кланяю,
 И сѣверу на путу стаю.
 А югъ беше отровомъ успав'о,
 Па о себи ништ' нѣ ни сан'ю.
 Ал' в време яче одъ свакога,
 Па надвлада веѣ в Метерниха,
 И раскиде све оне окове,
 Съ коимъ тиранъ окува народе,
 Метерниха, грозно чудовиште,
 Баѣи време у морско вретниште:
 Да се кае за беззаконѣа,
 Небровна свое безчинѣа.
 Деветъ стотин' и више година,
 У тавници да лежи людѣна:
 Не бы мог'о душу очистити,
 Ни грѣхова с' свои опростити.
 Шта в зала свѣту починѣо,
 Шта л' невѣны у гробъ опремио! —
 Едва неста грозногъ Метерниха,
 И нѣговогъ кужногъ терроризма:
 Появи се Азѣтскѣй тигаръ,
 Подъ именоу „братъ Србинста“ Маѣаръ.
 Братила се гора, вода съ ѣнѣмъ,
 И на нѣки затрло му с' сѣме!
 Што годъ Маѣаръ нам' Србљима желя,
 На нѣговоу нек' се слоѣа глави.

Метернихъ в паучиномъ везо,

Па та веза едва раскиде се;

Маѣаръ ради ланци да насъ стегне,

Да се духъ нашъ никуд' не помакне.

Гвозденъ ярамъ онъ за Срблѣ кув,

Да насъ навѣкъ у нѣга окуе.

Помажу їймъ Срблѣи Маѣарони,

Браћу Срблѣ у ярамъ да спрате.

Они су намъ гори одъ Маѣара,

Чуваймо се овы потричара.

Зато, Срблѣи, браћо моя драга,

Само сложно противъ свога врага:

Пропаганду Маѣарску терайте

Измеђ' себе као разбойнике.

Брате Србе, и оне по нюшци,

Пропаганди кои су на руци.

Маѣаронъ в пропагандскій ятакъ,

Судъ му треба данасъ врло кратакъ.

Маѣаронъ в отровна овца,

Отровъ носи око нашегъ лонца;

Чепа, вреба, да у лонацъ олюе,

Да сво Србство отровомъ отруе.

Маѣаронъ в она грозна куга,

Коя труе свакогъ свога друга.

Маѣарона лако в познати,

Погледай га съ кимъ се само брати.

Маѣаронъ се съ поштенымъ не мѣша,

Већъ зликовце око себе купи! —

Срболоубъ Правотникъ.

БЕЛИЗАРИЋ ОКЛЕВЕТАТЕЛЮ СВОМЕ.

У Риму XIV. вѣк. Авг. 540. л.

ДРУЖЕ!

Высоке налоге благогъ владателя нашегъ, цара Юстиніана, испуњавамъ я тимъ ревностіе и вѣрніе, што они излазе изъ прсію, кое за срећу народа нашегъ дишу. Юстиніанъ мене за то отечески любви. Неда правый владатель, да вѣрность и послушность поданика нѣговы надвисе нѣгову милость, и нѣгову любовь. — Кажи ми садъ друже! в ли кои одъ насъ двоице (я ли, или Юстиніанъ) тебе, или родъ нашъ, или отечество наше, овимъ поступкомъ увредіо? — А кадъ то нѣ: зашто хулишь ты Юстиніана у присуству моме? — Зашто ли савѣтуешъ ты нѣму, по непознатомъ му гласоноши, да онъ милости свое царскє мене лиши? — Овай твой поступакъ тежко ѣе другій какавъ основъ имати, него злобу, какву другу намѣру, него мое паденіе.

О друже! та испуниѣ се, може быти, убиточна твоя желя; ты ѣеишь окаляти мене кодъ цара мога, али заиста окаляѣешь тимъ и себе кодъ цара свію парева, пакъ и кодъ себе самогъ. Ты ѣеишь мене мрзска цару и народу момъ учинити; али цара и народъ мой мени огадити неѣеишь моѣи никадъ, еръ су то мени обожаеме светинѣ. Доѣи ѣе, може быти, време, кадъ ѣеишь ты мене съ путама у тамници гледати; али буди увѣренъ, да ѣе оно магновенѣ мени слаѣе быти, него теби. Та свѣтлія в тамница оклеветаномъ узнику, него златный престоль оклеветателю; еръ в ономе чиста и свѣтла савѣсть, а овоме в окаляна и мрачна нѣгова внутреность. Тако оклеветатель в управо несреѣанъ, а оклеветаный в среѣанъ. — Немой дакле, друже! безъ неволь несретнымъ себе чинити.

Друже, ты познаешъ мене добро, и знаешъ, да я никадъ за собственомъ славомъ не грамзимъ. Слава и среѣа народа и отечества нашегъ трепте мени свагда предъ очима, и за ове самъ я сто пута смрти дотицао се. Та нисамъ ли я неколико побѣда на користъ отечества нашегъ добіо, пакъ кажи ми, молимъ те, кадъ самъ се я съ тобомъ или съ кимъ другимъ о коіой годъ побѣди моіой, хвалеѣи себе, разговарао само? — А ты садъ радишь, да све заслуге мое за народъ и отечество, кое знамъ да су врло малене, да видикъ изиѣу, а твое да се затрпау. Еръ вѣруй ми, да в страданѣ невиномъ човеку лѣствица къ слави, а яма в гробъ ономъ, кои в другомъ копа. — Найносле ты мыслишь, може быти, да тайно и майсторски израѣуешъ паклено то дѣло твое. Али знай, да како годъ што мрцина не остае на дну, но искаче на поврхность воде, макаръ ова како дубока была: тако и свако беззаконіе излази кадъ тадъ на видикъ, макаръ да в у каквой тайности учишьво. Клію в вѣшта испытательница човечіи дѣла, пакъ и неумытний нѣговъ судія.

Зато престани, друже! запинати ми трчаюѣемъ по славу народну лукаве твое замке! престани натезати изъ потае и бацати лоте твое стрѣле на мене дижуѣегъ срећу отечества нашегъ! Но дай руку, пакъ дай и мреже и стрѣле твое, да побѣдимо крвне неприятель наше: Вандале, Хуне и іошъ ѣутаюѣе Сарацене, како бы у ставъ поставлѣни быти могли, да Теодосіемъ разставлѣнъ славный нашъ народъ савднинмо, в общту оснуемо срећу. Здравствуй!

Белизариѣ.

РУСИНИ И ПОЛЯЦИ У ГАЛИЦІИ.

(Продуженіє.)

Но о узвышеню Русинске народности ніе се мыслило, и старанѣ Поляка о губитку наше народности ніе се прекратило и подѣ владомъ Аустрійскомъ. Они су старали се накнадити губитакъ политичне самосталности разпространѣнѣмъ народности свое на шитету Русина. Више него икада старали су се прогласити языкъ Русинскій языкомъ пучкимъ; а языкъ Польскій языкомъ изображене классе. Те Русине, кои су желили остати вѣрни своіой народности, називали су неизображенима, и ко е хтѣо имати найманѣ право на изображенѣ, дужанѣ е было доћи подѣ заставу Польску; у противномъ случаю називали су га незналицомъ, неотесанымъ геякомъ. Премда е Аустрійско правительство при заузѣху Галиціе обећало чувати народность Русина, опетъ ніе уведило Русинскій языкъ и слова, коя се овдѣ употребляваю, у брой предмета, предаваны у школама. Као да е и оно само старало се о слѣнію двѣ народности Галиціе, ерѣ премда су Русини давали му свагда ясна доказателства найвѣрніе преданости, оно е у свакомъ случаю, особито у последнѣ време, давало преимѣство Поляцима, Польскомъ языку, Латинскомъ вѣроисповѣданю, — може быти изъ тогъ узрока што Русини нису имали благородства, нису имали заступника, нису се утискивали напредѣ, или по томе, што су подозрѣвали на нѣи збогъ наклоности према Русин. У дане опасности Аустрія е умела одликовати насѣ Русине одъ Поляка; но текъ што е опасность прощла, ніе хтѣла у нама видити одѣлѣногъ народа.

У найновія времена, кадѣ су Поляци почели мыслити о установлѣнію преѣшнѣгъ свогъ господарства, савршено промѣнили су свою политику у одношеню према нама, Русинима. Они су хтѣли употребити насѣ за подножіе нѣиногъ узвышеня. Ради побуѣна сачувствія народа Европски, они се нису стыдили учинити политичко убійство надѣ народомъ нѣима подчинѣнымъ и поредѣ тога сѣ нѣима одноплеменымъ, опровргаваюћи исторійско быће нѣгово *). Они су наумили представити себе предѣ очима Европе народомъ великимъ, саставнимъ одъ 22. миліона. Сѣ томъ цѣли называю они све негда освоене

области иманѣмъ своимъ іошѣ одъ времена Адамова, и именуо предѣ цѣлымъ свѣтомъ становнике овѣ областей Поляцима; и кадѣ бы они ма када владали Татарскомъ, заиста не бы се стыдили причислити и Татаре Польскомъ племени.

Они су хтѣли увѣрити цѣо свѣтъ, да те провинціе сѣ нестрпљивѣмъ очекую часѣ васкресеня Польске и свогъ сѣ нѣомъ савдинѣня, не помысливши на то, да мы, Русини, као найближи нѣини сусѣди страшимо се одъ повраћеня владе Польске, као одъ найвеће несреће цѣлогъ народа нашегъ. Нѣини политички бургиаши, нѣини дописатели, кое они по скупе новце на свимъ странама издржаваю, већа часть емигранта, радилы су сви у едномъ духу. И такимъ начиномъ представляли су насѣ предѣ очима Европе правимъ Поляцима; землю нашу називали Польскомъ, народъ нашѣ Польскимъ; шта више долазили су и до тога, да увѣре свѣтъ, као да се мы старамо о установлѣнію бывшегъ кралѣвства Польскогъ. Мы Русини нисмо имали силе противити се тымъ неправдама. Насѣ су сматрали за найвеће простакѣ уображаваюћи, да ћемо мы сами тесати каменѣ за саграћенѣ нама самымъ тавнице. Прошло е то време, кадѣ су народы на нѣици продаваны были као марва. Поляци, у томъ случаю, као и свагда, преварили су се у рачуну. Мы нећемо говорити за све области, кое су некадѣ были подѣ Польскомъ владомъ, неможемо утврђавати, да сви 15. миліона Русина не желе свогъ повратка подѣ владу Польску, по томе, што су намѣ непознате мысли браће наше, принадлежеће данасѣ Рускоме царству. Казаћемо само узредѣ, да су Поляци исто такимъ начиномъ поступали са свима Русинскимъ областима, и свуда произвели та иста одношеня. Може быти, и тамо, као кодѣ насѣ, грађани, са свимъ своимъ изродомъ, мысле о сретномъ времену свогъ бывшегъ величія, но мы Русини Галички башѣ ни како нећемо да на ново подпаднемо подѣ владу Польску.

(Продужиће се.)

О ПОСТАНКУ РУДОКОПНѢ У КУЧАНИИ.

(Народно причанѣ.)

Ракита дѣвочка чувала е овце негда по планини Кучавинской — па приликожѣ истомъ наиѣе на едну леску, око кое сребро увіево наѣе.

*) В. Газет. Народ. бр. 2. одѣ т. г.

Ракита, пуна радости, што е овај брагородный родъ, стоећій око леске, нашла, одломи едно шарче и однесе отцу њномъ, кои то путуюћимъ торбарима *) прода, а ови доцниѣгъ времена, кадъ су видели да е руда сребрна и поредъ тога здраво богата, дођу са окнарима у Кучанну, те руде почну вадити.

Ракити дѣвојци после некогъ времена начиве за задужбину цркву на врхъ Чукаре, коя се Ракитина или окнарска црква звала, гди се јошъ и данашній данъ остатци Ракитине цркве познаю.

(Раица Милорадовъ, старъ око 70 година, приповѣдао едномъ прав. рудару.)

У ЛОНО ВЫШНѢГА ВАСКРСАВШЕМЪ ДРУГУ

ПАВЛУ ПЕТРОНИЈЕВИЋУ,

Сл. II. год. права,

посмртный свѣзъ

одъ

Иована Ристића.

Стани брате увенула ружо,
Яркогъ сунца звѣздосыйный бисеръ
Юште едномъ нека те озари
На тржишту, ту међ' браомъ родномъ.

Вайно доба, громъ свирѣпый риче,
Авай яда, авай туге вель,
На жертвеникъ тогъ свирѣпогъ госта **)
Па'ше жертве, к'о косомъ кошене.

Прибѣжишта ѣ ещъ наѣи свѣте?
У пештери, ал' подъ стѣномъ мрачномъ?
У сужници, ѣ е окрѣпъ лютый?
Ол' ѣ бисеръ и злато трепеке?
Ниѣ, ниѣ о немоћный душе,
Тлѣный т' животь све на свѣту ништа!
Вель немоћна човечанска руко
Помоѣ, помоѣ у Вышнѣга проси!
И насъ згоди ахъ свирѣпый громъ тай. —
Измеђ' звѣзда милены и красны,
Шго намъ сяше ко сунаще ярко,
Узоръ быше сваке добродети,
Найсыйния у суморность заѣе.

*) По приповѣданю народномъ звали су се у оно време торбарима Грци.

**) Хољере.

То е Павле, ово ладно тѣло!
Заманъ брате твои вельи труди,
Даровитость, све врлине заманъ.
Виоръ бурный устремив' се грозно,
Ко кадъ расте и тополе врши,
Па и дрво текъ да плодъ принесе;
Тако тебе смрът прека однесе!

О дружино омадине Србске!
Замотай се у црнило тужно,
Плачи, тужи, и ядикуй горко,
Смрът ти коси понайболъ цвѣтке!

Смрти грозна, смрти сужна,
Твоя стрѣла грозна и кужна
Србу однесе многе сласти
У отровне там' области!

Добрый брате, узоре врлина!
Заръ остави родъ любѣпый жарко,
Заръ остави дружину премилу,
Едовиту заръ чемеру идешъ,
Гробу ладномъ, куѣи вѣковѣчной,
Ономъ ждрлу сумурнога мрака,
Оной бездни човечанска жиѣа,
Оно, оно, дати лаври буду,
За врлине, преимѣства твоя?

Ал' знай сыне матери Србѣ,
Докъ чланъ еданъ у дружини живи,
Твога дичногъ и хвалногъ имена
Транѣ' споменъ одсадъ крозь вѣкове.

Сада путуй у Вышнѣга лоно,
Наслађуй се небескога блага,
Обште жизни докъ не приспѣ конаць.
Съ Богомъ брате, ахъ за навѣкъ съ Богомъ! —

НА ОНЕ, КОИ ЗЛО ПСУЮ.

(Саобштию В. Б.)

Светый Лудвикъ издао е противъ псованя тако строге законе, да Клеменсу IV. папи то нѣ по вољи было и о томе е еданпутъ (кралю одъ Наварре писао: „Друге се каштиге могу изнаѣи, осимъ осакаћиваня удова, кое одъ псованя продрзльиве задржати могу.“ И то е поводъ дало, да е Лудвикъ тѣлесне казни у новчане обратю. Кои сбогъ убожества каштигу новчану положили нѣ могао, быо е еданъ сатъ на тржишту на лотри изложенъ, и З. дана при води и хлѣбу у тавници задржанъ.

Учредникъ Милошъ Поповићъ.

Печатано Правителственой Книгопечатни у Београду.